

Степанида Воск

*Чувственная
пытка*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В76

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Николая Миллера

Воск, С.

В76 Чувственная пытка / Степанида Воск. -
Москва : Издательство АСТ, 2017. - 352 с. -
(Знаки соблазна).

ISBN 978-5-17-101579-4

Куда может завести фантазия? Где грань между вымыслом и реальностью? Что делать, если фантазии воплощаются в жизнь? И чувства ослепляют, заставляя совершать необдуманные поступки, хочешь ты того или нет. Могла ли Юнона ожидать, что однажды мужской голос заставит провалиться в чувственное приключение? Несомненно, нет. Куда приведет ее этот путь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101579-4

© С. Воск, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2017

— Нагнись! — прозвучал приказ, резкий, как удар хлыста. Нервы натянуты до предела.

Нет! Все внутри меня протестовало против подобного обращения. Я ненавидела приказы всеми фибрами души. Не просьбы, нет, именно приказы в ультимативной форме.

Не выполнить — значит послушаться, а за непослушание последует наказание. Хотя кто сказал, что выполнение самого приказа не является наказанием? Еще и каким.

— Мне следует повторить еще раз?

Красивая бровь удивленно взметнулась вверх, показывая, что он этого не потерпит.

— Не стоит, — произнесла я, в отчаянии пытаюсь сглотнуть густую слюну.

Я стояла перед столом, пристраивая на него вазу с цветами. Именно его и придется использовать в качестве опоры.

Цветы отодвинула подальше, предполагая, что они могут помешать. И на кой черт ему взбрело в голову украсить комнату живыми цветами?

Подошла вплотную к столу и опустила ладони на полированную крышку, которая тут же запотела там, где мои горячие руки соприкасались с холодной поверхностью.

— Ниже, — следующая команда не заставила себя долго ждать.

Я передвинула руки дальше, прогнувшись значительно сильнее.

— Расстегни блузку.

Твою ж мать, а раньше нельзя было сказать? И как я должна теперь это делать в подобной позе? Мне же неудобно.

Возбуждение маленьким комочком начало зарождаться внутри. Яркий свет, падавший из открытого окна, отражался от полированной поверхности стола, слепил глаза, превращал столешницу в одно большое зеркало.

Опираясь одной рукой о стол, поскольку приказа распрямиться не было, второй рукой небыстро начала расстегивать маленькие жемчужные пуговицы на блузке. Одну за другой, одну за другой. Медленно, размеренно, наблюдая за собственным отражением, зная, что он тоже в этот момент за мной следит, ловит изменения выражения лица, каждое движение, впитывает и пропускает все через себя. От этого ощущения становились только острее и ярче, а ожидание томительнее.

— Хорошо. Очень хорошо, — услышала я похвалу, когда со всеми пуговицами было покончено, и полы блузы разошлись в разные стороны.

Чувствую, что щеки горят, краска возбуждения залила лицо. Хочется прижать к нему руки, охлажденные поверхностью стола, чтобы стало немного легче. Дыхание участилось, ладони вспотели.

— А теперь высвободи из бюстгалтера грудь.

Я потянулась свободной рукой под блузу к застежке на спине.

— Нет. Не так, — одернули меня. — Просто достань груди по одной. Медленно, высвобождая каждую.

Так, значит, так. Переступая с ноги на ногу, непроизвольно потерялась друг о друга внутренними поверхностями бедер и тем, что расположено выше и надежно спрятано от постороннего взгляда. Жаркая волна возбуждения словно разлилась по всему телу, опаливая изнутри.

Аккуратно, стараясь не задеть соски, ставшие чувствительными донельзя, высвободила из кружевного плена вначале одну полную грудь, потом вторую. Бюстгальтер, хоть и был достаточно открытым и поддерживал грудь только снизу, тем не менее заставил груди несколько сблизиться одну с другой.

Я облизала пересохшие губы. Во рту было сухо, как в пустыне. Собственное отражение раздраживало не меньше, чем действия.

— Приласкай их, — голос мужчины звучал хрипло, словно его, как и меня, мучила жажда.

— Ты же знаешь... — начала было возмущаться я.

— Не спорь, делай, как сказал, — надтреснутым тоном приказал он.

Осторожно, до последнего оттягивая пытку, обвела кончиками пальцев вначале одну грудь, потом вторую, не затрагивая ореолы сосков.

— Ты знаешь как надо.

Чтоб тебя подняло и не опустило. Мучитель. Хотя не думаю. В настоящее время он был скорее мучеником. Ему приходилось наблюдать со стороны, лаская лишь взглядом. Я кожей чувствовала его взгляд, он словно прожигал насквозь.

Дотронулась до запретной зоны и почувствовала, как меня пронзила дрожь удовольствия. «Твою ж мать», — выругалась про себя, проклиная все на свете. И себя, и этого мужчину, который горящими глазами буквально пожирал разворачивающуюся перед ним картину.

Я не замечала ничего вокруг, словно со стороны смотрела на себя. Будто это не я была в отражении, а совершенно другая женщина. Чужая. Возбужденная до предела. А ведь это только начало.

За спиной раздался звук шагов. Я положила вторую руку на стол, очень трудно стоять, опираясь лишь одной рукой. По движению воздуха догадалась, что мужчина застыл сзади. В тот же миг почувствовала, как моя юбка, собираясь складками, ползет вверх, оголяя ноги в чулках. И вот уже показались кружевные резинки, а следом

обнажилась и кожа над ними. Еще немного, и ягодичцы ощутили прохладный воздух. Юбка, как спасательный круг, собралась в районе талии.

«Прошу, дотронься, — молила я мысленно. — Прикоснись хоть к какой-нибудь части тела!»

Мои мольбы были услышаны.

Две крупные мужские ладони легли на бедра и начали совершать замысловатый танец. Они поглаживали круговыми движениями ягодичцы, даря наслаждение, сбегаящееся в одну точку и закручивающееся узлом внизу живота.

— Ну же, — не выдержала я и начала понукать мужчину.

— Терпи, — с хриплым смехом было произнесено мне в ответ.

Внезапно обе руки скользнули под резинку стрингов и потянули вниз, но не сняли до конца, а остановились на полпути.

— Немного шире.

Мужчина жестом дал понять, чего хочет. Пришлось отодвинуть одну ногу от другой. Средоточие женственности я почувствовала прикосновение прохладного воздуха, вдоль позвоночника побежали мурашки. Быстрым и уверенным движением он спустил шелковый лоскуток до колен. Я сбросила трусики совсем, чтобы не стреножили.

Вдоль крестца, по копчику, поползла его рука. И вот она уже в ложбинке между ягодич и не останавливается.

Желание сводило с ума, заставляло тянуться, требовать ласки. Но нельзя.

Во рту сухо. И куда делась вся жидкость? Она просто перекечевала туда, где нужнее сейчас. Средоточие женственности изнывало от пустоты.

Его большой палец нырял в святая святых и дарил желание чего-то большего, неизведанного. Нырял и выныривал, нырял и выныривал. Я не сдержалась, и с моих губ слетел сладострастный стон.

Я его убью. Убью за все эти ограничения, запреты, условия, которые следует соблюдать. Знаю, что в данную

минуту он страдает не меньше меня, но ведущая партия у него, и он руководит парадом.

Я почувствовала, как его рука покинула мои ягодицы и пылающие глубины между ними.

Мгновения, лишённые ласки, показались вечно-стью. Это нечестно. Хотелось хныкать и молить, молить и хныкать.

Все чувства обострились до предела. Любой звук казался очень громким.

Брякнула пряжка ремня, послышался звук раскрывающегося zipper, шелест одежды. Я застыла в немом ожидании. Еще немного, и я не выдержу, брошу эту затею. Развернусь и сама оседлаю его. Но я терпела. Чего мне это стоило?

Первый толчок, как я его ни ждала, оказался внезапным и до болезненности сладким. Горячая плоть беспрепятственно нашла проход туда, где ее ждали и были готовы принять.

Мой стон закончившегося ожидания смешался с мужским рыком. Тяжело дались ему эти минуты: заставляя мучиться от сладострастия меня, возможно, он сам страдал еще больше.

Сильные руки приподнимали розовые полушария груди, ласкали, выписывали замысловатые фигуры на коже, дарили неземное наслаждение. Соприкосновение тел, ритмичное трение, то быстрое, практически болезненное, то медленное и размеренное, возносило на пик блаженства.

Еще немного, еще чуть-чуть, еще... еще... еще...

И вот до вершины остался один маленький шаг, а там оно... небо в россыпях алмазов...

— Да нагнись же ниже.

Хрипловатый мужской голос вывел из состояния протрации.

— Куда ниже? Я ничего не вижу, — второй возмущенно протестовал.

— Я же тебе говорю, что она закатилась глубоко под шкаф, потому и не видно.

Свет слепил глаза, отражаясь от полированной поверхности стола, на которую я только что водрузила вазу со срезанными цветами...

Я замотала головой, пытаюсь избавиться от нахлынувшего наваждения. Это же надо такому привидеться наяву. Совсем ополоумела от воздержания. Говорила Светка: «Найди себе нормального мужика для здоровья. А еще лучше женатого, чтобы только для секса использовать, раз не желаешь нормальных отношений со всеми букетами, конфетами, гуляниями, провожаниями, скандалами и обязательствами. У окольцованных и времени меньше, и опыта больше, да и огласки они боятся как огня». Умеет же подруженька вычленить самое главное и поставить жирный восклицательный знак.

Я вытерла вспотевшие руки о свою юбку, поправила грудь в модном, но таком неудобном бюстгальтере. И кто заставил меня купить этот брасьер, а потом надеть под офисную блузу? Если бы подруженька моя увидела его, то непременно бы сказала, что я наконец становлюсь на путь истинный, и во мне просыпается спавшая до сих пор женщина. А мне просто расцветка понравилась. Такой приятный бежевый цвет редко встретишь в продаже, вот я и повелась. И только дома рассмотрела, что у бюстгальтера практически отсутствует верхняя часть чашки, а сам он едва-едва прикрывает соски. И дернул же меня черт именно сегодня его надеть. В день, когда нас должны были представить новому начальству.

Именно я и собиралась водрузить огромную вазу с цветами на середину стола в переговорном зале, где и состоится знакомство с руководством.

Мои манипуляции с грудью привлекли внимание двух мужчин, присутствующих в зале. Как я их сразу не заметила, когда вошла? Видно, была настолько поглощена своими мыслями, что по сторонам вообще не смотрела.

Я сообразила, что они прервали свое занятие и во все глаза уставились на меня. Как я могла забыть, что тут сегодня должны чинить проводку? Недавно делали ремонт и где-то перебили провод, а найти обрыв сразу не смогли. И вот так совпало, что проводку чинили именно сейчас.

Так вот ремонтники всю на меня пялились. А я, и так розовая от видения, покраснела еще сильнее от осознания, свидетелями какого представления они только что стали. Возбуждение все еще бродило по телу и вызывало противоречивые чувства, а тут на меня уставились в четыре глаза. Возникло дикое желание убежать, скрыться подальше от пронзительных карих глаз одного, что буравили меня насквозь.

Если первый мужчина смотрел на меня глазами черного цвета, то второй взирал насыщенными синими. Надо же, так редко можно встретить глаза цвета небесной лазури.

— Ну и чего уставились? Можно подумать, вы свое хозяйство не поправляете, — думаю, что все догадались, о каком «хозяйстве» идет речь. — Только и видишь, что руки к ширинке тянете, как будто там медом намазано.

Что я несусь? Только бы скрыть свое смущение, затопившее с ног до головы и стремящееся перелиться через край.

Мужчины молчали, решив, что не стоит реагировать на подобные высказывания незнакомой девицы. Надумали не связываться или онемели от возмущения моим поведением?

Представляю, как я выглядела в тот момент. Щеки пылают, глаза горят, движения судорожные. Одним словом, пациентка палаты с мягкими стенами и полом.

Брюнет с глазами цвета смородины хотел что-то произнести, но я остановила его.

— И молчите. Ни слова.

Я выставила руку вперед, призывая к исполнению моего приказа.

— Делайте свою работу молча. А то возитесь непонятно сколько времени, а толку никакого.

Шатен с синими глазами развернулся так, чтобы ему было удобнее меня видеть, и стал разглядывать, как диковинную зверушку. Второй же недовольно хмурился, будто не привык, что его прерывают на полуслове.

— А нечего всяким работягам тут глазеть, — расплялась я, пытаюсь оправдать свою грубость в отношении мужчин.

Я спохватилась, поняла, что становлюсь еще большим посмешищем для этих работяг, и решила ретироваться, но для этого мне нужно было пройти к двери мимо рабочих. Стараясь обойти их как можно дальше, я чуть было не впечаталась лицом в дверной косяк. Открывшаяся створка впустила в комнату сквозняк. Дверь с треском захлопнулась, и я уже не услышала, как брюнет втянул в себя воздух, в котором, казалось, ощущалось мое возбуждение, а шатен, рассмеявшись, сказал:

— Лихо она тебя осадил.

— Неужели?

— Такого еще на моей памяти не было. Старейше, дружище.

Лишь за дверью немного перевела дух. «Что со мной творится? — в очередной раз спросила сама у себя. — Сначала фантазии на сексуальную тему, а потом ужаснейшее поведение по отношению к совершенно незнакомым людям». Я тонула в запоздалом раскаянии. Надо вернуться и извиниться за свое поведение. «Ага, — тут же сказала я самой себе, — и получить в лицо ведро ледяного презрения, которое уже увидела в глазах цвета черной смородины». Именно такой цвет глаз мне нравился

до безумия, и именно от глаз такого цвета я бежала всю сознательную жизнь. Они, казалось, прожигали насквозь, выжигали клеймо, навсегда оставляя след в душе.

Я не такая, я не наступлю еще раз на те же грабли. Ни за что этого не будет. Хватит одного раза, когда об меня вытерли ноги и выбросили, словно ненужную вещь.

Наивная. Какая же я была наивная. Верила в светлое чувство, зовущееся любовью. Принесшее одни горести впоследствии.

Немного утешает лишь одно: первая любовь, она практически у всех, за редким исключением, оканчивается разочарованием.

— Юнона, надо срочно отнести корреспонденцию на почту. У нас сроки горят, а курьер, как назло, заболел. Сможешь? — раздался голос главного бухгалтера.

Ирина Васильевна, пробегая мимо по коридору, остановилась около меня.

— Хорошо, — ответила я.

Как раз немного успокоюсь. Хотя это не входило в мои должностные обязанности, но именно с ее помощью мне удалось устроиться в крупный строительный концерн офис-менеджером. И хотя он сейчас переживал смену руководства, но, тем не менее, оставался флагманом в своей нише бизнеса.

— Спасибо, дорогая. Я знала, что ты выручишь, — сказала Ирина Васильевна. — Письма заберешь у меня в кабинете на столе. Все заказные.

— Поняла.

Главный бухгалтер побежала дальше по коридору, проверяя готовность офиса к встрече с новой метлой, то бишь начальником, о котором ходили крайне противоречивые слухи.

Я тряхнула распущенными белокурыми волосами и направилась к своему рабочему месту, проверить, нет ли срочных заданий, чтобы с чистой совестью отправить на почту.

Мой блокнот пестрел галочками, отмечающими выполненные дела, только один пункт не был отмечен.

«Цветы для переговорной».

Вот и это дело сделано. Можно смело отправляться на почту. Я прошла в кабинет главбуха и забрала со стола пачку конвертов, по пути лишний раз отметив уютность в святая святых Ирины Васильевны. Все-таки очень приятная женщина, с доброй душой. Это было видно даже по ее рабочему месту. На столе фото ее дочери, безвременно ушедшей из жизни. После ее смерти Ирина Васильевна не озлобилась, не впала в уныние, не стала мегерой, а по-прежнему осталась светлой и чистой душой.

Я отправилась в маленькую комнатку, где сотрудники офиса оставляли верхнюю одежду.

На вешалке, предназначенной для посетителей, висели мужские куртки. Странно, мне никто не сообщал о посетителях. На размышления не было времени, потому эта информация вылетела сразу же у меня из головы.

Лифт предупредительно ждал меня на этаже. В коридоре, кроме меня, никого не было. Весь офис застыл в тревожном ожидании. Напряжение чувствовалось даже здесь, хотя вокруг никого не было. Двери лифта мягко разошлись, впуская меня, я плавно спустилась вниз в вестибюль. На проходной сонный охранник вяло кивнул в мою сторону.

Свежий воздух охладил до сих пор пылающие, щеки, а легкий морозец приятно пощипывал. Я, мелко семеня, двинулась в сторону почты. Благо она находилась недалеко от административного здания, в котором располагался головной офис концерна. На улице народ спешил по своим делам, и никому не было дела до других. Одиночество — удел жителей больших городов. Здесь никто ничего не знает о человеке, идущем навстречу: ни кем работает, ни с кем живет. Не то что люди, живущие в глубинке. Там сосед знает о соседе все. Когда родился, крестился, что ел на завтрак, обед и ужин, — все-все-все, вплоть до того, сколько котят вчера принесла кошка Муська, и практически со стопроцентной уверенностью может сказать, куда направляется тот, выйдя за околицу.

С одной стороны, анонимность в большом городе прельщает: можно не размышлять, что о тебе подумают, а с другой, заставляет искать общения, возможности для общения различными способами. Средства телекоммуникации, ворвавшиеся в жизнь, огромное благо и величайшее несчастье для многих миллионов людей.

С подобными мыслями я спешила к почтамту, где по старинке должна была отправить заказные письма. Настоящий архаизм в наше время электронных гаджетов, моментальных отправок и молниеносных ответов. Некоторые вещи до сих пор не утратили своей актуальности, и деловая переписка еще ведется в бумажной форме.

У окошка, как всегда, очередь. Это, похоже, вечный, неизменный атрибут почты. И хотя операторы стали использовать компьютеры для облегчения своей работы, они, как и раньше, напоминали сонных мух.

Очередь роптала, возмущалась, но это не помогало. Кто-то пытался качать права, понукая вялую девицу предпенсионного возраста, однако все было тщетно. Ее ничего не брало. В итоге я оказалась перед окошком практически перед закрытием. Еле-еле успела.

Глянула на часы. Рабочий день в офисе уже закончен. Смысла идти назад нет. Потому с чувством выполненного долга я поплелась домой. Вернее, на остановку. Долго ждала транспорт. Домой попала поздно.

От голода сводило желудок. И, как назло, я забыла зайти в магазин за продуктами. А ведь собиралась еще вчера. Вот странно получается. Все, что требуется от меня на работе, я помню, а такие элементарные вещи, как купить хлеб и молоко, забываю. Вновь одеваться и идти в круглосуточный супермаркет, расположенный недалеко от моей высотки, не хотелось. Так что пришлось довольствоваться чем бог послал. А послал он кусок сыра, просроченный йогурт и чай без сахара, хотя сахар как раз был.

Пусть Светлана с сахаром чай пьет, она все равно без него обходиться не может. Хотя всякий раз кричит, что